

Глаза и пейзаж Террора | Les yeux et le paysage de la Terreur

Автор: Жорж Нива (© пер. Н.Сикорской), [Женева](#) , 13.09.2013.

В пяти подобных общих могилах в Москве захоронено более 20 тысяч человек

Предлагаем вашему вниманию еще один отклик на книгу, вышедшую в лозаннском издательстве Noir sur Blanc и никого не оставляющую равнодушным.

Voici une autre critique sur le livre publié par la maison d'éditions lausannoise Noir sur Blanc qui ne laisse personne indifférent.

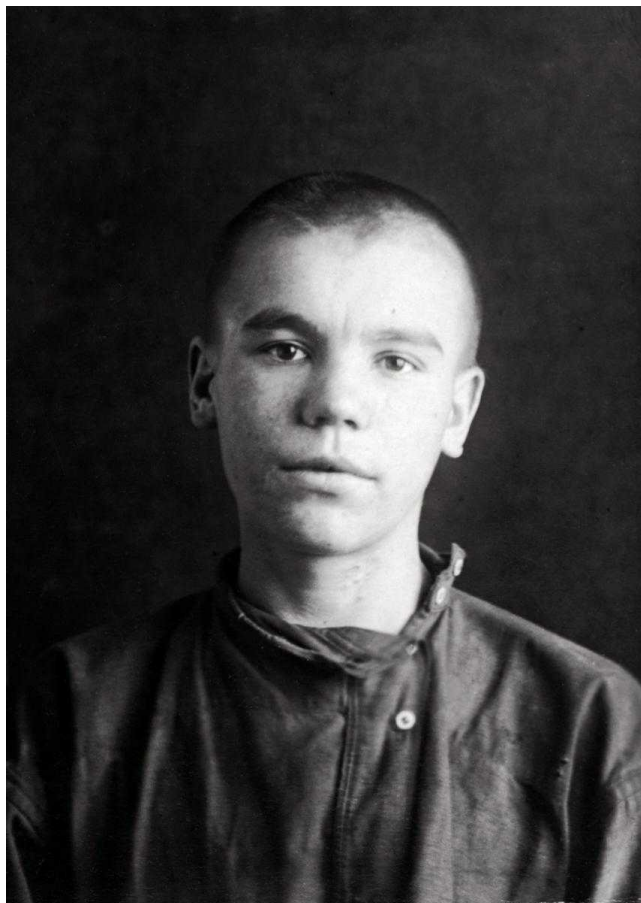
Les yeux et le paysage de la Terreur

В Токио есть музей масок Но, в котором посетитель проходит мимо тысяч белых масок, и все они разные: человечество в своем единстве и бесконечном асимптотическом разнообразии. Фотографии, которыми открывается потрясающий сборник «[Большой террор](#)», которым мы обязаны в равной степени польскому фотографу Томашу Кижни, московской Ассоциации Мемориал и историку Николаю Верту, исследователю русского коммунизма, напоминают эти загробные маски, застывшие в вечной боли и изумлении. Сделанные НКВД по прибытии задержанного в тюрьму, за два-три дня до расстрела, а то и в тот же день, эти снимки – гораздо больше, чем фотографии из личного дела. Они – вся Россия, с ее разнообразными народами, с ее коммунистами-энтузиастами, приехавшими из глубинки или из-за границы, с представителями ее профессий, от самых скромных до самых престижных, – все они в ужасе застыли под взглядом Сатурна, явившегося поглотить их, детей революции. Живые и мертвые одновременно, словно этрусские надгробные памятники, они смотрят на нас своими широко открытыми глазами, как смотрели в объектив своих палачей.

Листая страницы, словно ведомые за руку Хароном, мы видим то безумные глаза с рисунка Гойи, то огромный лоб, обильную бороду, добрые мужицкие глаза, длинную шею студента-подростка, лорнет еврейского художника, одутловатое лицо начальника вокзала, иногда поднятые к небу, словно в молитве, глаза, пророческий облик сельского священника, простые лица русских крестьян, словно вырубленные такими же крестьянами, чеканные лица интеллигенции – везде этот пронизывающий насквозь взгляд.

На обложке книги – одна единствен

Иван Белокашкин, род. в 1921, расстрелян в 1938, реабилитирован в 1955 г.

ная фотография, без названия, без автора. Мы входим в общую могилу, но от забвения спасено одно имя, и его следует упомянуть здесь: «Алексей Григорьевич Желтиков; русский; родился в 1890 году в деревне Демкино Рязанской области. Начальное образование. Вышел из РКП (б) в знак несогласия с Новой экономической политикой (НЭП) партии. Слесарь московского метро. Адрес: Москва, улица Садовая-Черногрязская 3, кв. 41. Арестован 8 июля 1937 года; приговорен к смертной казни 31 октября, расстрелян на следующий день. Реабилитирован в 1957 году».

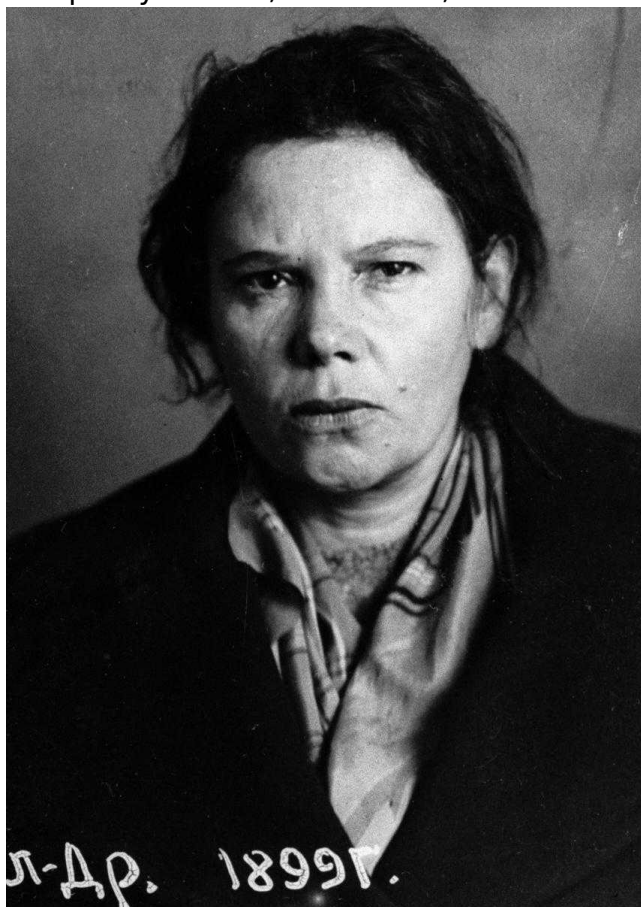
О чем мечтал слесарь-идеалист, вышедший из партии, когда Ленин вновь ввел мелкую собственность в стране Советов? Пытали ли его? Лицо изборождено морщинами, губы тонкие, взгляд волевой, но растерянный, сильный подбородок. Слесарь мечтал о рае в России...

Вспоминается художник Зоран Мужич, единственный гениальный художник, сумевший живым выйти из лагеря, на этот раз немецкого, и немой крик умирающих в Освенциме: «Нет, мы не последние!» Взгляд слесаря московского метро тоже, кажется, говорит нам: нет, я не последний! (А какое красивое метро он построил!)

Еще одна сторона Террора, показанная в этой книге – обязательная амнезия. О ней свидетельствуют все фотографии близких, на которых вымараны лица «пропавших». Например, невероятная фотография группы друзей Зиновия Прокофьева, заместителя комиссара по сельскому хозяйству – на ней четыре головы замазаны зеленым карандашом, а три – фиолетовым. Прямо какой-то мрачный маскарад, сходка Ку-Клукс-Клана.

О чем же думал каждый из них, когда люк разверзся под их ногами? Благодаря дневникам, нескольким письмам Кижни предлагает часть ответов на этот вопрос. «Любит советскую власть», - мелким почерком пишет отец одного из них. А жена

всем известного революционера Антонова-Авсеенко, бравшего Зимний? «Что бы со мной ни случилось, я буду благословлять тот день, когда мы познакомились... Тот факт, что я здесь, доказывает, что я совершила преступление, возможно, сама Мария Александровна Паппе, 1899 г.р., расстреляна в 1940, реабилитирована в 1956

того не ведая». Десять дней спустя она неразборчиво пишет: «Скоро я не смогу уже связно говорить». Многие отказываются подписывать безумные обвинения. Таких палачи, по приказу политбюро, сутками избивали, в течение трех дней держали в положении сидя на краешке железного стула, без права ни на туалет, ни на что другое, или поджигали засунутую между губами папиросную бумагу, молотком выбивали зубы.

Нужно «переосмыслить Большой террор», - пишет Никола Верт. Мы живем уже не в эпоху ни «Йога и комиссара» Кестлера, ни даже «Большого террора» Роберта Конквиста. Российские историки обратились к архивам, и Кижни представляет нам ходатайства региональных секций НКВД, умоляющих разрешить им превышать квоты, уже огромные. Огромные настолько, что контингент «подозреваемых» исчерпывался столь быстро, что приходилось устраивать и в городах, и в деревнях настоящую охоту на людей.

Повсюду в огромной России были наскоро организованы расстрельные комнаты - с соблюдением точных инструкций. Чаще всего до пули жертвы получали удар молотка по голове. Эксгумации, проведенные немцами в Виннице в 1941 году стали первыми тому доказательствами (потом уже сами немецкие следователи продолжили массовые уничтожения, для себя). О пытках рассказывают протоколы показаний самих палачей, в свою очередь арестованных Берией в 1939 году, во время Чистки чисток.

Для прочтения этой книги надо обладать железными нервами - ориентиры быстро растворяются в оргии развязанного Сталиным государственного произвола. Я лично

ходил на место одной тайной сталинской свалки трупов – в московском районе Бутово. Мы шли ночью по старинному имению, ставшему одной из роскошных дач Генриха Ягоды (первого главного палача Сталина, ликвидированного в 1937 году Николаем Ежовым, ликвидированного три года спустя Берией). Прекрасная природа, мирно высятся две церкви – здесь захоронено более тридцати тысяч трупов. Еще одно памятное место этой «индустрии» - Донское кладбище в центре Москвы, где крематорий, сданный в эксплуатацию в 1927 году той же немецкой фирмой, которая позже оборудует Освенцим, работал круглые сутки. Трупы доставлялись в грузовиках для перевозки хлеба.

Показательные процессы 1937 года
Владимир Нилович Волков, 1878 г.р.,
православный священник, расстрелян в
1938, реабилитирован в 1989

были, напоминает нам Верт, лишь дымовой завесой, призванной скрывать истинный масштаб уничтожения. Но завесой, отлично созданной прокурором Вышинским и его сообщниками и сопровождавшейся тысячами митингами против предателей. Начиналась, используя выражение Анни Кригель, гигантская «общественная профилактика», о которой тоже красноречиво свидетельствуют фотографии документов. Море плакатов кричит: «Очистим советскую землю от подлых предателей Родины». Хор обвинителей был интернациональным. В Париже, как показала прошедшая недавно выставка «Интеллигенция», хор работал на полную катушку, обличал мощно, а советский павильон на Международной выставке в Шайо, со знаменитой статуей Мухиной, вызвал всеобщее восхищение.

И уж конечно не надо верить, говорит Никола Верт, что Никита Хрущев, бывший палачом до того, как стал реформатором, реабилитировал большинство жертв: каждый год удовлетворялось не более 6-8% ходатайств о реабилитации. Пришлось дожидаться 1987 года, чтобы были аннулированы все «судебные» решения сталинских троек, ограничивавшихся установлением личности (да и то, в книге представлены примеры многих расстрелянных анонимно).

Память об этих бесчисленных жертвах не существовала бы без ассоциации Мемориал, которая действует практически по всей России, обладая небольшими финансовыми средствами и огромным гражданским мужеством. Надо видеть леса крестов разной высоты, пришпиленные к деревьям фотографии, простые таблички, выросшие между берез и елей на месте 155 бывших братских могил, найденных Мемориалом. Во Владивостоке и Воронеже, в Санкт-Петербурге и в Ростове-на-Дону. Лилипутская армия воспоминаний растет в огромном российском лесу или прячется еще в заполненных останками оврагах. Сердце сжимается, когда листаешь страницы этого великолепного альбома. «Где брат твой Авель?», - шепчет невидимый хор.

От редакции: Оригинальный текст профессора Жоржа Нива можно прочитать в его [блоге](#) на нашем сайте.

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[«Расстрелян в тот же день»](#)

Source URL: <http://nashgazeta.ch/news/cultura/16337>